

ЭВОКАЦИЯ Я: САМООПРЕДЕЛЯЮЩИЕ МЕНТАЛЬНЫЕ ФОТОГРАФИИ

В.В. Нуркова, О.С. Сулим

Вероника Валерьевна Нуркова | <https://orcid.org/0000-0002-3117-3081> | Nourkova@mail.ru | д. психол. н., профессор | Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Ленинские горы 1, Москва, 119991, Россия)

Ольга Сергеевна Сулим | <https://orcid.org/0009-0005-8011-6330> | chinchaila@mail.ru | студент | Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Ленинские горы 1, Москва, 119991, Россия)

Ключевые слова

автобиографическая память, эвокативные объекты, произвольность, саморегуляция, психологические орудия, самоопределяющие ментальные фотографии, самоопределяющие воспоминания, личность

Аннотация

Уникально человеческий путь перехода к самоуправлению психическими процессами заключается в освоении “мысленных” орудий. Факт бытования материальных фотографий в качестве эффективного триггера автобиографической памяти позволил предположить существование их функционального идеального аналога – воспоминаний о наиболее значимых снимках. К 185 добровольцам обратились с просьбой вспомнить, описать и оценить по ряду шкал фотографии, которые максимально выражают их личность. Полученные самоотчеты о “самоопределяющих ментальных фотографиях” показывают высокую субъективную привлекательность последних, их функциональную насыщенность и адресацию к широкой номенклатуре личностных свойств вспоминающих. Факторный анализ субъективных оценок этих ментальных образов выявил три фактора, проинтерпретированных как подтверждение качественных различий в типах идеальных мнемических средств. Образы с высокими показателями по фактору “Фокус на событии” служат эвокативными средствами извлечения ценностного личного опыта из эпизода прошлого. Воспоминания с высоким весом фактора “Детальность образа Я” опосредствуют диалог с самим собой в различных временных ипостасях. При высоком значении фактора “Целостное Я” инициируется переживание единства своей личности и судьбы, манифестация осознания смысловой истории своего бытия.

Информация о финансовой поддержке

Российский научный фонд, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [проект № 22-28-00368]

Статья поступила 14.08.2023 | Окончательный вариант принят к публикации 07.09.2023
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Нуркова В.В., Сулим О.С. Эвокация Я: самоопределяющие ментальные фотографии // Этнографическое обозрение. 2023. № 6. С. 61–76. <https://doi.org/10.31857/S0869541523060052> EDN: MNYMKP

Nourkova, V.V., and O.S. Sulim. 2023. Evokatsiia Ya: samoopredeliaiushchie mental'nye fotografii [Evocation of the Self: Self-Defining Mental Photographs]. *Etnograficheskoe obozrenie* 6: 61–76. <https://doi.org/10.31857/S0869541523060052> EDN: MNYMKP

Для того, чтобы быть собой, действовать от своего имени и проживать свою подлинную жизнь, человеку необходимо помнить себя в контексте времени, чтобы соотносить свои сегодняшние выборы и поступки со сделанными ранее. Полноценное функционирование личности определяется способностью удерживать идентичность вопреки меняющимся обстоятельствам. Когнитивным базисом данной способности служит автобиографическая память (АП). Обычно доступ к воспоминаниям опирается на культурную инфраструктуру значимых материальных эвокативных объектов (Нуркова, Гофман 2022). Означает ли это, что при отсутствии возможности использовать внешние напоминания человек утрачивает личностное своеобразие? Согласно культурно-исторической психологии, уникально человеческий путь преодоления ситуативной детерминации поведения и перехода к фундаментальному самоуправлению заключается в опосредствовании психических процессов мысленными орудиями (Выготский 1984). Поскольку одним из наиболее эффективных аккумуляторов и триггеров автобиографических воспоминаний является фотография (Нуркова 2020), мы предположили, что с помощью мысленного обращения к наиболее значимым фотографиям, человек актуализирует ценностно насыщенные воспоминания о важных и переломных эпизодах жизни, рефлексивирует над динамикой своих главных психологических качеств, переживает идентичность как единство целостного вневременного Я.

Принцип стимульной обусловленности воспоминаний

Потенциальный объем памяти человека немислимо велик. Мозг способен архивировать в распределенных нейронных ансамблях миллионы гигабайт информации (Bartol et al. 2015; Wang et al. 2003). Причем если вычисления на основе количества непосредственных анатомических контактов между клетками нервной системы приводят к выводу об астрономическом масштабе базы данных памяти (коннектом, *connectome*; Seung 2012; Sporns 2011), то гиперсетевые модели (когнитом; Анохин 2021) на порядок увеличивают степень ее сложности и емкости. Идея о тотальной фиксации всех событий в памяти разделяется многими представителями современной когнитивной науки (Dudai 2011).

Однако практически безграничный объем долговременной памяти находится в напряженном противоречии с жесткими лимитами возможности его проявления в актуальной деятельности, что дискутируется в рамках концепций “воплощенного познания” (*embodied cognition*; см., напр.: Wilson 2002; Лекторский 2023). Суть проблемы в том, что взаимодействие субъекта с миром со стороны физического тела ограничено разрешительной способностью сенсорных систем, мускульной силой/зоной досягаемости конечностей и осуществляется в постоянном цейтноте. При этом каждая выполняемая задача требует весьма конкретного информационного обеспечения. Возможно, именно в этом причина зеркальной скудости симультанно осознаваемого субъектом опыта, обозначаемого терминами “эмпирическое сознание” и “рабочая память” (Cowan 2010). Процессы рабочей памяти позволяют оперировать одновременно не более чем шестью единицами материала, протекают крайне медленно, требуют поддержки истощимыми ресурсами внимания и уязвимы для негативного воздействия (Нуркова 2015). Установленные эволюцией неизменяемые границы рабочей памяти (Inoue, Matsuzawa 2007; Blasiman, Was 2018) вынуждают долговременную память к строго дозированному включению прошлого опыта в русло текущей жизнедеятельности. Воспроизведению поддается только то содержание, которое соответствует “подсказке” наличной ситуации, актуальному состоянию субъекта и требованиям решаемой задачи.

Функциональный тупик ситуационной детерминации автобиографической памяти

Стимульная обусловленность воспоминаний распространяется и на наиболее антропогенетически новую, только человеку присущую систему памяти – автобиографическую. Для обозначения класса естественных и искусственных предметов, провоцирующих автобиографические воспоминания, психоаналитик Кристофер Боллас в конце 80-х годов прошлого века ввел термин “эвокативные объекты”: “Невозможно на самом деле вспомнить кого-то или о чем-то, если нет реального объекта, позволяющего сделать это” (Bollas 2009: 56).

Принятие тезиса о безальтернативной зависимости процесса воспоминания от внешних стимулов в приложении к АП ставит под сомнение фундаментальное положение об автономности личности, во всяком случае в той мере, в которой личность отождествляется с ее осознанной автобиографией (McAdams 2018; Polkinghorne 1988; Singer et al. 2013). Только находясь в смысловом поле порожденного им автобиографического самоописания – “помня себя”, человек способен на ценностно-ориентированное поведение, т.е. действовать как личность; “Мы – это истории, которые рассказываем о себе”, – писал П. Иакин (Eakin 2008: ix). Поскольку АП – это “база данных” для ответов на вопросы: “Кто я?”, “Какой я?”, способность произвольно обращаться к ее содержанию – неотъемлемое условие функционирования личности.

Однако, если личность укоренена в АП, а осознание мнемического материала предопределено окружающими эвокативными стимулами, то в какой мере можно говорить об устойчивой, интегрированной во времени, свободной личности? Философ Р. Хиерсминк утверждает: “Кем мы являемся как личности, зависит от распределенной сети внешних эвокативных структур” (Heersmink 2018: 1830). Иными словами, без напоминаний о своей идентичности субъект погружается в личностное забытие, буквально превращаясь в “человека без свойств”. Вернее, его личностные свойства деградируют к свойствам доличного уровня. Личность, бытие которой управляется существующей независимо от нее семиотической системой, не может выступать инстанцией истинно активного действия. Таким образом, с одной стороны, личность представляет собой “мерцающий” и зависимый от внешних напоминаний психологический феномен, а с другой стороны, АП имеет статус онтологического основания и источника специфически человеческого модуля существования. АП получает при этой трактовке статус “серого кардинала”, который, будучи сам связан жесткими ограничениями, скрыто диктует личности рамки возможного.

Такое понимание работы АП противоречит ее центральной антропогенетической задаче как предпосылке возможности становления автономной личности с индивидуальной Я-концепцией и самооценкой. Именно с этой целью культурной эволюцией была “изобретена” способность конструировать субъективно достоверную событийно-концептуальную историю своей жизни, осознавать себя в контексте времени, продуцировать воспоминания о личном прошлом, совершать мысленные путешествия в прошлое и будущее, оставаясь феноменологически тождественным самому себе субъектом проживаемого жизненного пути.

Тот факт, что АП является психологическим инструментом смещения мотивационного центра тяжести личности с побуждений, обусловленных ситуацией “здесь и теперь”, к перспективе “там и тогда” (с причинами из прошлого и целями в будущем) содержит серьезный когнитивный вызов: нужно, с одной стороны, научиться игнорировать провокации актуальных внешних триггеров памяти (Nourkova, Gofman 2023), с другой – намеренно вызывать такие воспоминания, которые дают человеку ресурс для преодоления препятствий на пути к целям и сохранения целостности своей личности в самых тяжелых условиях.

Пути преодоления ситуативной детерминации памяти

В ходе культурно-исторического пути развития *homo sapiens* совершил ряд эволюционных изобретений, позволяющих избежать пассивного дрейфа в поле стимулов-аффордансов (от англ. *affordance* – возможность действия), провоцирующих импульсивные формы поведения. Таким антропологическим изобретением, существенно смягчающим конфликт между долговременной и рабочей памятью, стало кодирование информации вне организма, что сняло проблему замкнутости памяти в субъекте и открыло ее для многих пользователей (о теориях “расширенной памяти” см.: *Michaelian, Sutton 2013; Sutton 2010*). Современный человек чаще всего комбинирует материал, декодированный из долговременной памяти и с внешних носителей. Потенциал преодоления ситуативной детерминации памяти заключается также в том, что человек способен, во-первых, планировать специфическое мнемическое напряжение в определенных обстоятельствах будущего, используя как традиционные, так и авторские эвокативные объекты, во-вторых, управлять памятью с помощью мнемических команд, в-третьих, снимать принудительность средовых триггеров памяти, что позволяет перейти к самоуправлению психическими процессами.

В контексте данной работы особенно важна третья линия. Согласно Л.С. Выготскому, прогресс сознания разворачивается на пути интериоризации (от лат. *interior* – внутренний) – перехода от совершения психологических действий с опорой на материальные орудия к внутреннему опосредствованию идеальными, “мысленными” орудиями. Если раньше для решения задачи требовалось непременно вступить во взаимодействие с объектами внешнего мира (напр., для того чтобы вспомнить событие, нужно было посмотреть на фотографию в альбоме), то теперь данная операция может осуществляться “в уме” за счет использования психологических аналогов этих объектов (соответствующую фотографию достаточно вспомнить). Интериоризация внешних средств является реальным механизмом свободы душевной жизни человека и его поведения. Оснащение психики системой идеальных средств позволяет человеку в его деятельности не только свободно выходить за пределы “здесь и сейчас”, но и творчески трансформировать реальность. Именно формирование внутренней сети идеальных эвокативных объектов и дает человеку способность по собственной воле “телепортироваться” в мир памяти.

Самоопределяющие ментальные фотографии

Основой произвольной регуляции АП становятся культурные изобретения для аутоэмоции, неразрывно связанные с развитием технологий фиксации, сохранения и избирательного использования автобиографического материала. На пути технологического обеспечения становления АП в европейской культуре одной из бесспорных вех является распространение фотографии (с 1840 годов), которое во многом определило, что и как современный человек помнит о себе.

Связь фотографии и памяти была осознана уже в первые десятилетия после ее изобретения. Хрестоматийной стала характеристика фотографии как “зеркала с памятью” (*Holmes 1861: 14*). Сегодня фотография превратилась в оптимальный инициатор и аккумулятор воспоминаний. При этом она не заменяет память, не наращивает ее мощность механически, а качественно развивает, выводя воспоминание за рамки кадра, а порой становясь символом изображенной на ней личности.

Эвокативный потенциал материальной фотографии относительно различных систем памяти уже обсуждался в монографии одного из авторов данной

статьи (Нуркова 2020). Поэтому ниже мы обратимся к феномену воспоминаний о фотографиях, при помощи которых человек активирует различные пласты АП, что может стать средством рефлексии динамики отдельных психологических качеств и обеспечивать переживание идентичности и самоидентичности Я.

Идея изучения “самоопределяющей фотографии” как визуального аналога феномена “самоопределяющих воспоминаний”, совокупность которых является своеобразным экзистенциальным “автографом” личности, представляющим собой метафорическое выражение ее ядерной мотивации, устойчивых черт и ведущих целей (Нуркова 2022), возникла у нас на фоне активного обсуждения психологами этого феномена. В литературе приводятся убедительные данные о потенциале самоопределяющих воспоминаний как средстве активного воздействия на протекание разноплановых психических процессов и поведение.

Самоопределяющие воспоминания – исключительно редкие продукты эмоционально-когнитивного преобразования личного опыта. Аналогично самоопределяющие фотографии – результат строгой селекции корпуса реально существующих снимков, лишь немногие из которых приобретают статус внутреннего средства, становятся “ментальными”. О таком исключительном классе фотографий Ханна Белофф пишет: “Есть фотографии, которые каждый из нас хранит в своей душе всегда. Их можно назвать личными образами (*icons*), и они играют крайне важную роль в нашей психической жизни” (Beloff 1985: 20). Поскольку ментальные фотографии нематериальны, исчезает проблема зависимости от средового провокатора при свободном воспроизведении тех автобиографических воспоминаний, которые соответствуют, с одной стороны, текущим целям, а с другой – адресуются к устойчивым личностным диспозициям. Самоопределяющая ментальная фотография (СМФ), согласно нашему предположению, может опосредствовать также и самый высокий уровень иерархии психических феноменов – целостное переживание самоидентичности ядра личности, своей сущности.

Эмпирическое исследование самоопределяющих ментальных фотографий

Цели и гипотезы исследования. Цель проведенного исследования заключалась в изучении свойств и функций воспоминаний о фотографиях, которые люди оценивают как выражающие их личность. Исследование направлялось следующими гипотезами:

1. В памяти современного человека представлены воспоминания о фотографиях, которые оцениваются им как аккумуляторы личностной идентичности.

2. СМФ используются как намеренно, так и спонтанно в качестве средств извлечения личного опыта из событий жизни, поддержания виртуальных социальных связей, регуляции эмоционального состояния и поведения, переживания аутентичности и самоидентичности личности.

3. Комплексы субъективных характеристик СМФ связаны с различными стратегиями функционирования в системе “память-личность”: воспроизведением конкретного ценностно насыщенного эпизода прошлого; построением диалога между разновременными Я; обеспечением доступа к переживанию интегральной идентичности личности.

Участниками исследования стали 185 добровольцев в возрасте от 16 до 71 года (среднее = 35,95; SD = 12,55), из них 36 мужчин (19,46%) и 149 женщин (80,54%).

Исследование проводилось онлайн с использованием формы Google-опросника. После информированного согласия на участие и указания основных де-

мографических данных респонденты получали инструкцию: “Вспомните, пожалуйста, фотографию из Вашего личного архива, с помощью которой Вы могли бы описать, что Вы за человек. Эта фотография должна отражать важные свойства Вашей личности и вызывать у Вас яркие эмоции (позитивные или негативные). Содержание фотографии может быть любым: Вы можете присутствовать на этой фотографии (в одиночку или с кем-то) или занимать позицию наблюдателя, оставаясь за кадром. Фотография, о которой Вы вспоминаете, может относиться к любому возрасту и любой ситуации, но сделана не менее года назад. Важно, что Вы хорошо помните эту фотографию без обращения к снимку или файлу”.

Вспомнив фотографию, респонденты давали ее краткое содержательное описание, датировали, а затем оценивали по 5-балльным шкалам следующие параметры: привлекательность фотографии; степень психологической близости образа; степень выявленности в образе личностных особенностей респондента; частоту вспоминания этого фото в прошлом; информированность о месте съемки, фотографе, близких по времени, но не вошедших в кадр событиях; детальность периферии снимка. В случае, если на фотографии был сам вспоминающий, его просили оценить детальность воспоминания своего лица, тела и одежды, степень “похожести” образа на себя. В заключение участники должны были объяснить выбор именно этого фото, назвать воплощенные в образе личностные характеристики и ситуации, когда оно вспоминается. С учетом того, что 20 участников описали по две СМФ, было получено 205 полных протоколов.

Результаты эмпирического исследования. Феномен СМФ, в высокой степени отражающий по данным самоотчетов сущность личности респондентов, представлен в психической жизни 72% участников. Оказалось, что оценка личностной выразительности СМФ связана с временной дистанцией до момента воспроизведения, а не с возрастом на снимке. Участники, оценивающие на 4 и 5 “личностную выразительность” образа, описывали более отдаленные во времени фотографии в качестве самоопределяющих (средняя дистанция = 8,739 года, $SD = 13,655$) по сравнению с теми, кто оценил их как менее выразительные (при оценках 1–3, средняя дистанция = 4,381 года, $SD = 7,610$). Различие во временной дистанции является значимым: $t(203) = 2,242$, $p = 0,026$. Можно предположить, что образ, адресованный к завершеному интервалу самоидентичности (Я-прошлый, Я-иной), помогает удерживать целостность личности во времени и поэтому более пригоден для аккумуляции своих устойчивых характеристик. Кроме того, величина временной дистанции влияет на процесс схематизации опыта, что позволяет “стереть случайные черты” и придает СМФ своеобразную психологическую “выдержанность”. Наиболее значимыми предикторами высокой оценки самоопределяющего потенциала фото выступили психологическая близость ($p < 0,001$, $R^2 = 0,272$, $\beta = 0,461$) и субъективная частота воспроизведения ($p < 0,001$, $R^2 = 0,136$, $\beta = 0,369$), которые совместно объясняют 40,8% общей дисперсии. Данные признаки свидетельствуют об активном присутствии в сознании фотоподобных образов, возникших на основе материальных фотографий, но далее существующих в идеальной форме.

В эксплицированные СМФ респонденты включили максимально привлекательные образы (среднее = 4,72 [0,598]) при отсутствии однозначно непривлекательных, что свидетельствует о выборе средства автокоммуникации в соответствии с принципом “психологической комфортности”. Можно ожидать, что при личностном кризисе или эмоциональных расстройках картина была бы противоположной.

Отбор СМФ разворачивался между полюсами спонтанности и рефлексивности. В первом случае респонденты (26/12,7%) сообщали об автоматическом

доступе к искомому образу, когда человек “наталкивается” на появившееся в сознании фотоподобное представление и лишь затем анализирует его (респ. 26: “Фото само пришло в голову. Мое ощущение от этого образа совпадает с моим ощущением себя”). При втором варианте “ключом” к СМФ может выступать частота предшествующих воспроизведений (респ. 45: “Я почему-то часто ее вспоминаю, я там очень живая, счастливая, теплая, здоровая и радостная”). Поиск может осуществляться с формулировкой критериев выбора (респ. 103: “Мне нравится то состояние, в котором была сделана фотография. Я была в хорошем настроении, у себя дома, в окружении приятных для меня вещей и нравилась себе. Это то, как мне нравится себя чувствовать”).

Номенклатура личностных качеств, которые респонденты выражают с помощью СМФ, крайне широка – названо 103 качества (см.: Табл. 1).

Таблица 1

**Личностные качества, выраженные
самоопределяющими ментальными фотографиями**

| Тематические группы личностных качеств | Конкретные качества | Количество упоминаний/ % случаев |
|--|--|-------------------------------------|
| Жизненные силы | Витальность, внутренняя сила, жизнерадостность, жизнестойкость, наслаждение моментом, интерес к жизни, уверенность в себе, оптимизм, удовлетворенность жизнью, непосредственность, детскость, естественность, спонтанность, открытость, ценность настоящего времени, сексуальность | 40/19,5% |
| Позитивная ориентация на других людей | Доброта, дружелюбие, добродушие, доброжелательность, коммуникабельность, порядочность, способность прощать, стремление помочь, забота, теплота, радушие, ценность семьи и дружбы | 38/18,5% |
| Свойства эмоциональной сферы | Эмоциональность, беззаботность, веселость, благодатное состояние, задорный нрав, улыбочивость, замкнутость, лиричность, романтичность, нежность, позитивность, ранимость, обидчивость, одиночество, любовь к познанию, любовь к природе | 37/18% |
| Стремление к самоидентичности и бытийной подлинности | Аутентичность, гармония, душевная глубина, индивидуальность, искренность, разнообразие, самодостаточность, свобода, собранность, целостность, стремление к единству с миром | 33/16,1% |
| Самоконтроль | Спокойствие, устойчивость, терпеливость, твердость, сдержанность, самообладание, умиротворение, тревожность, суетливость | 24/11,7% |
| Активность | Целеустремленность, способность преодолевать трудности, стремление двигаться дальше, профессионализм, настойчивость, упорность, авантюризм, бунтарство | 20/9,8% |
| Любовь | Любовь | 14/6,8% |

| | | |
|-------------------------------|--|---------|
| Счастье | Счастье | 14/6,8% |
| Свойства познавательной сферы | Наблюдательность, мечтательность, рассудительность, рефлексивность, созерцательность, самоирония, креативность, диалектизм | 14/6,8% |
| Обобщенные качества внешности | Красота, имидж, неуклюжесть, медлительность | 14/6,8% |

За исключением одного случая, когда автор говорит о “ненависти к себе” (респ. 85: “...я сижу на офисном стуле в пальто склонив голову, опершись на руку в перчатке”), все образы связаны либо с позитивными, либо с нейтральными качествами.

Анализ функционального репертуара позволил выделить шесть групп причин обращения к СМФ. Наиболее часто (61/29,8%) актуализация этих образов включена в задачу *саморегуляции эмоциональных состояний и поведения* (респ. 5: “Вспоминая эту фотографию, я ставлю цель – закончить важные дела, чтобы снова насладиться этим волшебным ощущением”). Второе место по частоте (56/27,3%) занимают воспоминания, где СМФ выполняют роль контекстных триггеров, входя в сознание реактивно (респ. 44: “Когда гугл напоминает о событиях прошлого”). Следующей по частоте оказалась функция *выстраивания истории изменения и развития Я* (24/11,7%), тогда СМФ провоцирует ностальгию и/или познание диахронического аспекта своей личности (респ. 19: “Тоска по молодости”; респ. 25: “Для напоминания о моем пути и моих сильных сторонах”). Затем с равной частотой (20/9,8%) следуют функции *переживания аутентичности Я и самопрезентации*. Аутентичность Я находит опору в СМФ для удержания реальности тех личностных свойств, которые не востребованы текущей ситуацией (респ. 34: “Напоминать себе, кто я и зачем”; респ. 106: “Когда мне нужно вспомнить, что внутри меня всегда есть часть этого любознательного, доброго, открытого ребенка, которая может свободно радоваться мелочам, животным и жизни”). При самопрезентации СМФ предполагает материальное фото, представляющее субъекта в социуме (респ. 20: “Если нужно прислать кому-нибудь фотографию, чтобы понравиться”). Для *поддержания реальных и виртуальных социальных связей* адресуются к СМФ 15 участников (7,3%) (респ. 167: “Когда думаю о близких людях, любящих меня”; респ. 193: “Когда всплывают грустные воспоминания о родителях, о том что уже не увижу их, не поговорю”).

Визуальное содержание СМФ изредка фокусировалось на образе других людей (4/2%) или на безлюдной композиции (15/7,3%). Воплощение сущности своей личности в образе другого предоставила, например, респ. 164: “Это мой улыбающийся старший сын”. Примером СМФ, где суть личности моделируется визуальной метафорой, служат данные респ. 126: “Небольшая зеленая лужайка в городском парке. На ней скульптура, представляющая собой две размашисто и бодро шагающие ноги, соединенные петлей. Тела нет, только две босые, целеустремленные, связанные узлом ноги”.

Большинство респондентов (147/71,4%) эксплицируют свою личность портретом, но даже гипертрофированный индивидуализм СМФ (напр., респ. 163: “Я стою посреди безлюдной улицы. над сырой каменистой землей нависают серо-голубые грозовые тучи. вокруг меня никого, только безлиственные деревья притаились где-то в углу...”) не приводит к исчезновению воспоминания о фотографе (75% участников помнят его хорошо или очень хорошо).

Лишь 9 (4,4%) респондентов описывали селфи. Предположим, что низкая

представленность селфи среди СМФ объясняется утратой значимого коммуникативного контекста создания изображения.

Смысловым центром СМФ часто является взгляд изображенного на фото (респ. 146: “Взгляд в будущее, мудрость, праздник, счастье, хорошо помню фото: мое лицо на фоне новогодней елки, горят гирлянды, висят новогодние шары...”). Порой адресат взгляда разделяет с вспоминающим смысл образа, так что формально эгоцентрическая фотография по сути является диадной, диалогичной (респ. 28: “Я сижу одна на каменных старинных ступеньках лестницы большого храма Донского монастыря. Тишина. Вокруг никаких чужих людей нет, но передо мной моя маленькая дочка и муж, который делает эту фотографию, я смотрю на них и думаю, что кроме них мне никто не нужен”). Роль фотографа при описании СМФ связана с осознанием конституирования сути своей личности взглядом другого (респ. 96: “Что для меня важно, фотографировал меня мой муж, кроме нас не было никого, поэтому я очень похожа на себя”).

Около пятой части респондентов явно включили в СМФ образы других людей. Значимым окружением вспоминающего выступают: целостная семейная общность (респ. 57: “Члены моей семьи у ворот дачи и все смеются”), дети (респ. 174: “На фотографии изображено море и пляж, у волнорезов стою я и мой сын, мы одеты в футболки и шорты и улыбаемся”), супруги и романтические партнеры (респ. 192: “Я с мужем в осеннем лесу. Мы обнимаемся”), друзья (респ. 21: “На фотографии я сижу в ванной в одежде, ванна пустая... с подружкой, мы смеемся и жестикулируем. Это фото отражает то, что я часто оказываюсь в необычных, забавных местах и ситуациях, но меня всегда окружают близкие люди и я не теряю энтузиазма”), попутчики в путешествиях (респ. 19: “Это фотография сделана более 32 лет назад, на ней я стою между двух молодых женщин, с которыми я была в турпоездке”) и коллеги (респ. 46: «На фотографии я со студентами в учебной аудитории “Отделение сестринского ухода”»). Порой образ представлял собой симбиоз между человеком и животным (респ. 31: “Я сижу на большой ветке дерева вместе со своей собакой, целую ее в морду”; респ. 123: “Я в соломенной шляпе на фоне цветов улыбаюсь, а рядом вороной жеребенок”).

Важно указать, что не наблюдается однозначной взаимосвязи между возлагаемыми на СМФ функциями, делегируемыми им личностными характеристиками и феноменологическими качествами мнемического образа. Однако обнаружены закономерно более протяженная временная дистанция, отделяющая от настоящего момента образы, вовлеченные в создание истории Я: $F(6,198) = 2.632$, $p = 0,018$, $\eta_p^2 = 0,095$, и парадоксально низкая субъективная привлекательность образов, которые используются для самопрезентации, по сравнению с носителями всех иных типов функциональной нагрузки: $F(6,198) = 2,975$, $p = 0,008$, $\eta_p^2 = 0,08$. В последнем случае можно предположить сверхчувствительность к вероятности внешней критики образа, что ведет к занижению декларируемой оценки его привлекательности.

Типология самоопределяющих ментальных фотографий. На завершающем этапе анализа данных создавалась типология внутренней представленности СМФ самому субъекту. Результаты эксплораторного факторного анализа методом главных компонент с вращением Варимакс позволили выделить три фактора, объясняющих 56,499% дисперсии (22,045%, 17,626% и 16,828% соответственно) при удовлетворительных показателях КМО (0,695) и критерия сферичности Бартлетта ($\chi^2 = 545,100$, $df = 55$, $p < 0,001$). Полученная факторная структура представлена в Таблице 2.

Таблица 2

**Результаты факторизации субъективных оценок совокупности
самоопределяющих ментальных фотографий**

| | Факторы | | |
|--|----------------|----------------|----------------|
| | 1 | 2 | 3 |
| % объясненной дисперсии | 22,045% | 17,626% | 16,828% |
| Я хорошо помню, что происходило до и после момента съемки | 0,782 | | |
| Я хорошо помню человека, который сделал этот снимок | 0,768 | | |
| Я хорошо помню место, где была сделана эта фотография | 0,709 | | |
| Возраст в момент создания снимка | 0,635 | | |
| Я могу детально представить фон снимка | 0,534 | | |
| Я могу детально представить свое лицо на снимке | | 0,912 | |
| Я могу детально представить свою фигуру и одежду на снимке | | 0,909 | |
| Мне нравится эта фотография | | | 0,733 |
| Образ является для меня психологически близким | | | 0,732 |
| Я часто вспоминаю об этой фотографии | | | 0,564 |
| Образ на фотографии очень похож на меня в жизни | | | 0,519 |

Поскольку в первый фактор, названный “Фокус на событии”, вошли переменные, охватывающие не только содержание снимка, но и более широкие характеристики события, во время которого снимок был сделан, а также возраст респондента в момент съемки, то актуализация СМФ с высокими показателями по данному фактору служит своеобразным мнемическим якорем, т.е. средством, обеспечивающим качественный доступ к автобиографически ценному эпизоду прошлого.

Второй фактор (“Детальность образа Я”) объединил оценки воспоминаний о своем внешнем облике на СМФ. Вспоминая себя с опорой на такой образ, человек испытывает двойственное ощущение “это я и не я”, которое стимулирует рефлексию своих как стабильных во времени, так и динамичных индивидуальных качеств, что обеспечивает условия выстраивания диалога между инстанциями “Я прошлое” и “Я настоящее”. В процессе коммуникации разновременных Я осуществляется анализ личностных изменений.

Переменные, вошедшие в третий фактор (“Целостное Я”), отражают степень интеграции выбранной для описания фотографии с Я-концепцией вспоминающего, что выражается в оценках привлекательности, психологической близости и субъективной “похожести” фото, а также в частом обращении к воспоминанию о нем. СМФ, характеризующиеся высокими значениями по этому фактору, служат средствами доступа к целостному переживанию самоидентичности, метафорически заключенной в снимке. СМФ такого типа являются мощными стимулами-средствами актуализации переживаний единства своей личности и судьбы, манифестации осознания своего бытия.

Поскольку факторы независимы друг от друга, гипотетически возможны восемь крайних типов феноменологически различных СМФ при соответствующих сочетаниях высоких и низких показателей по каждому из факторов. Примеры СМФ, обладающих ярко выраженными факторными профилями, представлены в Таблице 3.

Таблица 3

Примеры самоопределяющих ментальных фотографий с выраженными факторными профилями (высокое значение – 4, низкое значение – 1)

| Значения по факторам | | | Описание фотографий | Качества |
|----------------------|----------------------|-------------|--|--|
| Фокус на событии | Детальность образа Я | Целостное Я | | |
| Высокое | Высокое | Высокое | Я стою на горе, а за мной в небе парапланы. В тот день мы летали на парапланах, а потом поднимались на эту гору. Для меня подъем был сложным, дыхание сбивалось, но я счастлива. Это был очень счастливый день и последняя поездка до потери. | Любовь к природе, небу, высоте, моему любимому человеку, который меня снимает. То, что нужно идти до конца, преодолевать сложности |
| | | | Я стою с сыном на паровозе времен Великой Отечественной войны в музее под открытым небом | Напористость, уверенность, стремление двигаться дальше |
| Высокое | Высокое | Низкое | Это мой день рождения, любимый человек меня не поздравил. Родственники подарили мне подарок и цветы, и на фото я с красными глазами и цветами | Я умею прощать |
| | | | Получение диплома в университете | Способность достигать цели |
| Высокое | Низкое | Низкое | Мы (семья) стоим в Мельбурне на фоне Национальной картинной галереи, улыбаемся, после посещения выставки | Любовь к жене и детям |
| | | | Это моя свадебная фотография. Что для меня важно, фотографировал меня мой муж, кроме нас не было никого, поэтому я очень похожа на себя | Красота в сложности, красота не для всех |
| Низкое | Низкое | Низкое | Официальный портрет для сайта. Одета в белую шелковую блузку, синий пиджак и черную юбку. Волосы заколоты на затылке. Я стою вполборота | Доброжелательность |
| | | | Снимок красной розы | “Ничто не вечно под луной” |
| Низкое | Высокое | Низкое | На черно-белой фотографии изображена я за партой в школе. Передо мной лежит букварь, на нем букет из гладиолусов. На мне школьная форма. Волосы собраны и завязаны бантом, не туго, а свободно. Некоторые короткие пряди не собираются в хвост, обрамляют все лицо. Сажу я с серьезным сосредоточенным выражением лица. Смотрю прямо в объектив камеры | Я начала очень рано рефлексировать |
| | | | Фотография с похорон мамы. Стою в профиль, траурный вид, кто-то рядом, сдерживаю эмоции, смотрю на себя со стороны | Контроль собственных эмоций |

| | | | | |
|---------|---------|---------|---|---|
| Низкое | Высокое | Высокое | На данной фотографии изображены я и мои любимые дети, мы стоим на набережной в Испании – я стою посередине, сын сидит в детской коляске слева от меня, а моя дочь – справа | Семейные ценности |
| | | | Мне лет 5, может чуть меньше. Папа лежит на диване в нашей старой квартире и корчит рожи, а я в смешной кофте и в трусах, развалилась на нем как на большом камне. Я тоже корчу рожицу, язык на бок, а на голове нелепый бантик | Там я настоящая, мой внутренний ребенок |
| Высокое | Низкое | Высокое | Лодка, почти два часа ночи и конец июня. На небе серебристые облака. Небольшое озеро с островком посередине. На берегу вдаль догорает костер и все уже спят | Любовь к природе и путешествиям, романтика и наслаждение моментом |
| | | | Моя комната, спальня. Кровать застелена, включен свет. Вся кровать завалена моей одеждой, между шкафом и кроватью тоже много шмоток | Суетливость, тревожность, то, что я такая же, как все люди |
| Низкое | Низкое | Высокое | На фото мне около 3-5 лет, я держу в правой ручке фломастер, фото ч/б, волосы до плеч, челка прямая, платье, гольфы, стол рядом, позади полка с книгами и пластинками, немного грустная и сосредоточенная | Творческое начало, самодостаточность, одиночество |
| | | | На этой фотографии я сижу на кухне за столом, пью чай с вареньем. Мне на фото лет 7 | Состояние радости, благополучия |

* * *

По результатам исследования были сделаны следующие выводы:

1. Проведенное исследование доказало, что воспоминания о фотографиях, которые люди оценивают как выражающие их личность (о самоопределяющих ментальных фотографиях – СМФ), включены в психическую жизнь современного человека.

2. СМФ выполняют роль идеальных мнемических средств обращения к разным пластам материала автобиографической памяти.

3. В качестве причин обращения к СМФ названы: саморегуляция эмоциональных состояний и поведения, анализ своих психологических качеств и личностных особенностей, выстраивание истории изменения и развития себя как личности, необходимость переживания аутентичности Я, самопрезентация, поддержание реальных и виртуальных социальных связей – что свидетельствует о разнообразии функционального репертуара СМФ.

4. Выделено 3 различных типа СМФ, феноменологические характеристики которых закономерно обеспечивают реализацию различных стратегий их использования:

- через извлечение ценностно насыщенного личного опыта из эпизода прошлого;
- через диалог с самим собой в различных временных ипостасях;
- через инициирование переживания целостной самоидентичности.

Научная литература

- Анохин К.В.* Когнитом: в поисках фундаментальной нейронаучной теории сознания // Журнал высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова. 2021. Т. 71. №. 1. С. 39–71. <https://doi.org/10.31857/S0044467721010032>
- Выготский Л.С.* Собрание сочинений: В 6 т. Т. 6, Научное наследство. М.: Педагогика, 1984.
- Лекторский В.А.* Психологическая теория деятельности А.Н. Леонтьева и современные когнитивные исследования // Вестник Московского университета. Серия 14, Психология. 2023. № 2. С. 67–83. <https://doi.org/10.11621/LPJ-23-16>
- Нуркова В.В.* Проблема неточности воспоминаний в перспективе многокомпонентной модели памяти // Мир психологии. 2015. № 2. С. 35–49.
- Нуркова В.В.* Психология фотографии. Культурно-исторический анализ. М.: Юрайт, 2020.
- Нуркова В.В.* Самоопределяющие автобиографические воспоминания в системе лично-мнемических межфункциональных связей // Культурно-историческая психология. 2022. Т. 18. № 1. С. 79–89. <https://doi.org/10.17759/chp.2022180108>
- Нуркова В.В., Гофман А.А.* Управляемое забвение: четыре типа амнезогенных практик // Сибирские исторические исследования. 2022. № 2. С. 33–58. <https://doi.org/10.17223/2312461X/36/3>
- Bartol T.M., Jr et al.* Nanoconnectomic upper Bound on the Variability of Synaptic Plasticity // eLife. 2015. Vol. 4. P. e10778. <https://doi.org/10.7554/eLife.10778>
- Beloff H.* Camera Culture. Oxford: Basil Blackwell, 1985.
- Blasiman R.N., Was C.A.* Why is Working Memory Performance Unstable? A Review of 21 Factors // Europe's Journal of Psychology. 2018. Vol. 14. No. 1. P. 188–231. <https://doi.org/10.5964/ejop.v14i1.1472>
- Bollas C.* The Evocative Object World. L.: Routledge, 2008.
- Cowan N.* The Magical Mystery Four: How is Working Memory Capacity Limited, and Why? // Current Directions in Psychological Science. 2010. Vol. 19. No. 1. P. 51–57. <https://doi.org/10.1177/0963721409359277>
- Dudai Y.* How Big Is Human Memory? // Learning & Memory. 2011. No. 3. P. 341–365. <https://doi.org/10.1101/lm.3.5.341>
- Eakin P.J.* Living Autobiographically: How We Create Identity in Narrative. Ithaca: Cornell University Press, 2008.
- Heersmink R.* The Narrative Self, Distributed Memory, and Evocative Objects // Philosophical Studies. 2018. Vol. 175. P. 1829–1849. <https://doi.org/10.1007/s11098-017-0935-0>
- Holmes O.W.* Sun-Painting and Sun-Sculpture: With a Stereoscopic Trip Across the Atlantic // Atlantic Monthly. 1861. Vol. 8. No. 45. P. 13–29.
- Inoue S., Matsuzawa T.* Working Memory of Numerals in Chimpanzees // Current Biology. 2007. Vol. 17. No. 23. P. R1004–R1005. <https://doi.org/10.1016/j.cub.2007.10.027>
- McAdams D.P.* Narrative Identity: What Is It? What does It Do? How do You Measure It? // Imagination, Cognition and Personality. 2018. Vol. 37. No. 3. P. 359–372. <https://doi.org/10.1177/0276236618756704>
- Michaelian K., Sutton J.* Distributed Cognition and Memory Research: History and Current Directions // Review of Philosophy and Psychology. 2013. Vol. 4. P. 1–24. <https://doi.org/10.1007/s13164-013-0131-x>
- Nourkova V.V., Gofman A.A.* The “Sites of Oblivion”: How not to Remember in a World of Reminders // Memory Studies. 2023. P. 17506980231176039. <https://doi.org/10.1177/17506980231176039>

- Polkinghorne D.P.* Narrative Knowing and the Human Science. Albany: State University of New York Press, 1988.
- Seung S.* Connectome: How the Brain's Wiring Makes Us Who We Are. Boston (MA): Houghton Mifflin Harcourt, 2012.
- Singer J.A., Blagov P., Berry M., Oost K.M.* Self-Defining Memories, Scripts, and the Life Story: Narrative Identity in Personality and Psychotherapy // *Journal of Personality*. 2013. Vol. 81. No. 6. P. 569–582. <https://doi.org/10.1111/jopy.12005>
- Sporns O.* The Human Connectome: A Complex Network // *Annals of the New York Academy of Sciences*. 2011. Vol. 1224. No. 1. P. 109–125. <https://doi.org/10.1111/j.1749-6632.2010.05888.x>
- Sutton J.* Exograms and Interdisciplinarity: History, the Extended Mind, and the Civilizing Process // *The Extended Mind* / Ed. R. Menary. Cambridge (MA): MIT Press, 2010. P. 189–225.
- Wang Y., Liu D., Wang Y.* Discovering the Capacity of Human Memory // *Brain and Mind*. 2003. Vol. 4. P. 189–198. <https://doi.org/10.1023/A:1025405628479>
- Wilson M.* Six Views of Embodied Cognition // *Psychonomic Bulletin & Review*. 2002. Vol. 9. P. 625–636. <https://doi.org/10.3758/BF03196322>

Research Article

Nourkova V.V., and O.S. Sulim. Evocation of the Self: Self-Defining Mental Photographs [Evokatsiia Ya: samoopredeliaiushchie mental'nye fotografii]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2023, no. 6, pp. 61–76. <https://doi.org/10.31857/S0869541523060052>
EDN: MNYMKP ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Veronika Nourkova | <https://orcid.org/0000-0002-3117-3081> | Nourkova@mail.ru | Lomonosov Moscow State University (GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia)

Olga Sulim | <https://orcid.org/0009-0005-8011-6330> | chinchaila@mail.ru | Lomonosov Moscow State University (GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia)

Keywords

autobiographical memory, evocative objects, arbitrariness, self-regulation, psychological tools, self-defining mental photographs, self-defining memories, personality

Abstract

The acquisition of mental tools is a uniquely human mode of resisting situational pressure and achieving psychological self-determination. The fact that material photographs effectively trigger autobiographical memories has led to the hypothesis that they have functional counterparts in the form of memories of the most personally significant photographs. One hundred and eighty-five participants volunteered to recall, describe, and rate on several scales the memories of photographs that best express their personality. The “self-defining mental photographs” obtained from the participants were found to be subjectively attractive, highly functional, and expressive of various personality traits. The exploratory factor analysis suggested a three-factor solution interpreted as qualitatively specific types of mental photographs. Mental photographs scoring high on Factor 1 (Focus on the event) may serve as retrieval tool for extracting personal sense from a concrete episode of the past. High

scores on Factor 2 (Detailed image of the narrator) probably refer to the internal dialogue between past and present self. High scores on Factor 3 (Holistic Self) were attributed to the integrated experience of personality-destiny unity coinciding with the awareness of one's history of existence.

Funding Information

Russian Science Foundation, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [grant no. 22-28-00368]

References

- Anohin, K.V. 2021. Kognitom: v poiskah fundamentalnoi neironauchnoi teorii soznaniia [Cognitome: In Search of Fundamental Neuroscience Theory of Consciousness]. *Zhurnal vysshei nervnoi deiatel'nosti im I.P. Pavlova* 71 (1): 39–71. <https://doi.org/10.31857/S0044467721010032>
- Bartol, T.M., Jr, et al. 2015. Nanoconnectomic upper Bound on the Variability of Synaptic Plasticity. *eLife* 4: e10778. <https://doi.org/10.7554/eLife.10778>
- Beloff, H. 1985. *Camera Culture*. Oxford: Basil Blackwell.
- Blasiman, R.N., and C.A. Was. 2018. Why is Working Memory Performance Unstable? A Review of 21 Factors. *Europe's Journal of Psychology* 14 (1): 188–231. <https://doi.org/10.5964/ejop.v14i1.1472>
- Bollas, C. 2008. *The Evocative Object World*. London: Routledge.
- Cowan, N. 2010. The Magical Mystery Four: How is Working Memory Capacity Limited, and Why? *Current Directions in Psychological Science* 19 (1): 51–57. <https://doi.org/10.1177/0963721409359277>
- Dudai, Y. 2011. How Big Is Human Memory? *Learning & Memory* 3: 341–365. <https://doi.org/10.1101/lm.3.5.341>
- Eakin, P.J. 2008. *Living Autobiographically: How We Create Identity in Narrative*. Ithaca: Cornell University Press.
- Heersmink, R. 2018. The Narrative Self, Distributed Memory, and Evocative Objects. *Philosophical Studies* 175: 1829–1849. <https://doi.org/10.1007/s11098-017-0935-0>
- Holmes, O.W. 1861. Sun-Painting and Sun-Sculpture: With a Stereoscopic Trip Across the Atlantic. *Atlantic Monthly* 8 (45): 13–29.
- Inoue, S., and T. Matsuzawa. 2007. Working Memory of Numerals in Chimpanzees. *Current Biology* 17 (23): R1004–R1005. <https://doi.org/10.1016/j.cub.2007.10.027>
- Lektorskii, V.A. 2023. Psikhologicheskaiia teoriia deiatelnosti A.N. Leonteva i sovremennye kognitivnye issledovaniia [Psychological Theory of Activity by A.N. Leontiev and Current Cognitive Studies]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seria 14, Psikhologiiia* 2: 67–83. <https://doi.org/10.11621/LPJ-23-16>
- McAdams, D.P. 2018. Narrative Identity: What Is It? What does It Do? How do You Measure It? *Imagination, Cognition and Personality* 37 (3): 359–372. <https://doi.org/10.1177/0276236618756704>
- Michaelian, K., and J. Sutton. 2013. Distributed Cognition and Memory Research: History and Current Directions. *Review of Philosophy and Psychology* 4: 1–24. <https://doi.org/10.1007/s13164-013-0131-x>
- Nurkova, V.V. 2015. Problema netochnosti vospominanii v perspective mnogokomponentnoi modeli pamiati [The Problem of Memory Accuracy in Perspective of Multicomponent Memory Model]. *Mir psikhologii* 2: 35–49.
- Nurkova, V.V. 2020. *Psikhologiiia fotografii. Kulturno-istoricheskii analiz* [The Psychology of Photography: Cultural-Historical Analysis]. Moscow: Yurait.
- Nurkova, V.V. 2022. Samoopredeliaiushchie avtobiograficheskie vospominaniia v sisteme lichnostno-mnemicheskikh mezhfunktionalnykh sviazei

- [Self-Defining Memories in the System of Self-Memory Inter-Functional Relationships]. *Kul'turno-istoricheskaia psikhologiya* 18: 79–89. <https://doi.org/10.17759/chp.2022180108>
- Nurkova, V.V., and A.A. Gofman. 2022. Upravliaemoe zabvenie: chetyre tipa amnezogennykh praktik [Guided Forgetting: Four Types of Amnesogenic Practices]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia* 2: 33–58. <https://doi.org/10.17223/2312461X/36/3>
- Nourkova, V.V., and A.A. Gofman. 2023. The “Sites of Oblivion”: How not to Remember in a World of Reminders. *Memory Studies* 17506980231176039. <https://doi.org/10.1177/17506980231176039>
- Polkinghorne, D.P. 1988. *Narrative Knowing and the Human Science*. Albany: State University of New York Press.
- Seung, H.S. 2012. *Connectome: How the Brain's Wiring Makes Who We Are*. Boston, MA: Houghton Mifflin Harcourt.
- Singer, J.A., P. Blagov, M. Berry, and K.M. Oost. 2013. Self-Defining Memories, Scripts, and the Life Story: Narrative Identity in Personality and Psychotherapy. *Journal of Personality* 81 (6): 569–582. <https://doi.org/10.1111/jopy.12005>
- Sporns, O. 2011. The Human Connectome: A Complex Network. *Annals of the New York Academy of Sciences* 1224 (1): 109–125. <https://doi.org/10.1111/j.1749-6632.2010.05888.x>
- Sutton, J. 2010. Exograms and Interdisciplinarity: History, the Extended Mind, and the Civilizing Process. In *The Extended Mind*, edited by R. Menary, 189–225. Cambridge, MA: MIT Press.
- Vygotskii, L.S. 1984. *Sobranie sochinenii: V 6 t.* [Collected Works]. Vol. 6, Nauchnoe nasledstvo [Scientific Heritage]. Moscow: Pedagogika.
- Wang, Y., D. Liu, and Y. Wang. 2003. Discovering the Capacity of Human Memory. *Brain and Mind* 4: 189–198. <https://doi.org/10.1023/A:1025405628479>
- Wilson, M. 2002. Six Views of Embodied Cognition. *Psychonomic Bulletin & Review* 9: 625–636. <https://doi.org/10.3758/BF03196322>